

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯНЧЕВ

Татьяна Васильева в минуты триумфа

Ловушка для зрителей

Известия. - 2000. - 18 окт. - с. 8.

Татьяна Васильева с блеском провела в Минске свой «Мастер-класс»

Светлана КАРПЕКОВА

Спектакль «Мастер-класс» московской антрепризы «Независимый театралный проект» зрители белорусской столицы увидели только со второй попытки. Первая не удалась по причине болезни исполнительницы главной роли Татьяны Васильевой. Большинство зрителей, впрочем, после переноса даты спектакля билеты сдавать не стали, а приберегли до лучших времен. И правильно сделали, потому что смогли по достоинству оценить и саму постановку режиссера Виктора Шамирова, и замечательную игру Татьяны Васильевой.

Актриса играет другую актрису — Сесилию Софию Анну Марию Калогелопуло — известную всему миру под легендарным именем Мария Каллас. В начале 70-х оперная примадонна на зкате своей славы и жизни давала серию мастер-классов в Джульярдской школе в Нью-Йорке, на которых присутствовал и Терренс Макнелли, написавший спустя годы пьесу об одном уроке знаменитой гречанки. Впрочем, возможно, интерес к личности Марии Каллас возник у автора в те три дня, которые он простоял в очереди за билетом на нью-йоркское выступление певицы в 1956 году. В разное время Каллас в спектаклях по пьесе Макнелли играли Фанни Ардан, Элизабет Хоторн, Мари Лафоре, а Фэй Данауэй вместе с автором получили самую престижную театральную премию США «Тони».

Если обозначать стиль московской постановки, его стоило

бы назвать ловушкой для зрителей, включая искушенных. Когда Татьяна Васильева появляется на сцене и раскланивается, зал начинает хлопать ей — русской актрисе, — не понимая еще, что хлопать бывшей солистке «Ла Скала». Когда она начинает жестким и ворчливым тоном старой учительницы, всю жизнь не любившей своих учеников, бросать в зал едкие замечания типа «у всех вас нет лица» или раздраженно орет в пространство, требуя погасить свет в зале, сидящие в нем все равно еще не понимают, что это — арт-подготовка капризной оперной дивы, что мастер-класс уже начался, а потому лучше сидеть тихо, не то заставят спеть, да еще прилюдно высмеют. Радость от появления актрисы сменяется легким эстетическим нокаутом, затем — тишиной, затем — раздражением, ненавистью, жалостью, предательским комом в горле, внезапной медитацией под звенящую чистоту голоса. Затем все это — в обратной последовательности. «Все, что нам надо, это только слушать» — совет начинающим оперным артистам (их, кстати, играют настоящие профессионалы, и поют они в спектакле очень даже понастоящему, «валяя дурака» только в диалогах) звучит из уст Васильевой — Каллас как сожаление о неисполнившемся и, кажется, совсем не имеет отношения к музыке.

И вот когда зритель понимает, что на сцене Каллас, пусть с короткой светлой стрижкой и ничуть не похожая на привычный глянцево-портретный облик, —

уже поздно, выйти из класса невозможно, а потому остается ощущать все эти «американские горки» эмоций, что называется, на собственной шкуре. Кто сказал, что театр — это притворство? Васильева играет в него, как в жизнь, — бравадно и сломленно, жестко и перекрученно-обреченно, обижая и обижаясь, нападая и защищаясь. Глядя на актрису, ведущую свою сольную партию через тернии и звезды судьбы Марии Каллас, понимаешь, как недооценена Васильева кинематографом, использовавшим по большей части либо ее характерность, либо ее комедийное начало. Впрочем, может быть, только театр с его сиюминутной изменчивостью и неповторимостью сценического пространства, заполненного чужими жизнями — выдуманными и когда-то прожитыми, — позволяет актрисе столь виртуозно, иронично, легко существовать в спектакле, вовлекая в действо зрителей и разыгрывая мини-спектакли с каждым из трех пришедших спеть перед великой Каллас.

Помните — «все, что нам надо, это только слушать»? Гречанку Сесилию Софию Анну Марию Калогелопуло — слушали, но, как выяснилось к концу ее жизни, обернутому в одиночество, так и не услышали. Или это все — о нас? Татьяна Васильева не дает ответа на этот вопрос и лишь напоследок советует: «Думайте о смысле слова и о собственных глубоких чувствах». Все, мастер-класс закончен. Дверь в класс закрыта — и мастер ушел. Аплодисменты.

Минск